

КОЛЛЕКЦИЯ ЧУВСТВ

Москва, я люблю его!

Дарья Лаврова

Дарья Лаврова

Москва, я люблю его!

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4245365

Лаврова Д. Москва, я люблю его! : Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-58391-1

Аннотация

Маша любила так, что потом собирала себя по кусочкам. Катя любила так, что готова была отдать жизнь за одно-единственное прикосновение. Игорь любил так, что во всех девушках видел ее. Руслан любил так, что больше уже не было сил. Они встретились, чтобы разделить существование каждого на «до» и «после», чтобы стать точкой невозврата друг для друга. Но жизнь распорядилась по-своему, разбив мечты каждого из них.

Содержание

Глава первая	12
Глава вторая	25
Глава третья	37
Глава четвертая	52
Глава пятая	67
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Дарья Лаврова

Москва, я люблю его!

Случайным, несбывшимся и незабываемым, а также удаленным друзьям и пропущенным звонкам посвящается.

Мелкие капли дождя пылью мерцали на ветру под светом фонарей и тихо падали на лицо. У подъезда остановился черный Volkswagen, открылась дверь, и появилась девушка в ярко-розовом платье на одно плечо.

– Поехали, – сказала она, не здороваясь и открывая заднюю дверь. – Чего ты встала? Давай садись, не тормози, и так опаздываем!

– Может, скажешь, куда мы едем? – спросила я, забираясь на заднее сиденье за спиной водителя.

– Здесь недалеко, не ной, – отмахнулась Оксана, помогая захлопнуть дверь изнутри. – Блин, всему тебя учить надо. Кстати, знакомься, это Игорь, – представила мужчину Оксана. – А это Маша.

Игорь равнодушно кивнул. Она крутила переключатель радио больше пяти минут, морщилась под нестройное шипение помех и однотипных мотивов, качала головой, а потом совсем выключила его. Поежилась и стала что-то искать между сиденьями. Через минуту достала компакт-диск, открыла и одним движением пихнула в проигрыватель, а

прозрачный футляр небрежно кинула на заднее сиденье. Он приземлился между мной и альбомом картин Энди Уорхолла, обложкой вниз.

Горящие окна высотных домов – желтые, красные, зеленые – напоминали примитивные компьютерные рисунки, если их увеличить. От капель воды на стекле они растекались и плыли, становясь похожими на палитру художника.

За окном мелькал ряд невысоких одинаковых коттеджей. Сначала я пыталась сосчитать их, но сбилась на десятом, рядом с которым стояла табличка «Береговой поселок таунхаусов». Хотелось открыть дверь, выйти из машины и пойти обратно. Домой, пешком, без зонта, по Дмитровскому шоссе, под дождем в конце августа.

Я взяла диск и неотрывно разглядывала его обложку до тех пор, пока мы не приехали. Мужчина в черном на фоне золотых занавесок наклонил голову и будто застегивает часы на руке. Брендон Флауэрс¹. Никогда не слышала.

– Приехали, – сообщил Игорь.

За каменным забором стоял двухэтажный коттедж из светлого кирпича. Дорога к нему была выложена фигурной плиткой.

– Ну, что, как тебе? – возбужденно шептала она мне в ухо, а потом добавила: – Тебе просто необходимо развеяться с кем-нибудь!

¹ Брендон Флауэрс – вокалист, клавишник и автор большинства текстов группы The Killers.

Игорь открыл плетеную железную калитку и пропустил нас вперед.

– Куда мы приехали?

– Только попробуй заикнуться, что хочешь домой! – прошептала Оксана. – Хватит быть тряпкой, будь уже взрослой, наконец! Расслабься. Кстати, как тебе Игорь?

– Никак. Могла бы сказать, куда мы едем!

– Если бы ты знала, то не поехала бы!

– Обожаю, когда ставят перед фактом!

– Заткнись! – прошипела Оксана. – Сейчас мы зайдем, не забудь поздороваться.

– Мне не пять лет, чтобы об этом напоминать.

– Тогда води себя по-взрослому! И не дергайся... Я тебе все расскажу.

– Можешь начать прямо сейчас, – ответила я, стаскивая кроссовки в прихожей, отделанной красным деревом.

– Друг Игоря женился на прошлой неделе, а сегодня они празднуют. Я же тебе говорила вчера.

– Но ты не говорила, что твои друзья – жирные сорокалетние мужики. Хочешь помочь мне найти спонсора?

– Почему сорокалетние? – Лицо Оксаны обиженно вытянулось. – Там самому старшему тридцать семь, а Игорю всего тридцать три. Кстати, в том, чтобы иметь, как ты говоришь, спонсора, нет ничего плохого. Это легко, пока тебе от семнадцати до двадцати двух. И это, кстати, решит ряд твоих проблем.

– У меня нет проблем.

– Будут, – улыbnулась Оксана. – Он может оплатить твою учебу, например. Или платить за квартиру, которую мы снимаем. Или даже снять более крутую, в Москве. Так что перестань уже строить из себя недотрогу и приглядиись к симпатичным мужчинам.

– Может, пойдем уже? – вздохнула я. – Поздороваемся.

– Да, идем, – всполошилась Оксана. – Спустимся вниз, сейчас они в сауне.

– Отлично! – хлопнула я в ладоши. – За кого ты меня принимаешь? Неужели ты думаешь, что если я приехала в Москву и бросила парня, то готова в первый же день ехать в сауну с сомнительными мужиками, годящимися мне в отцы?!

– Тебя никто не заставляет. Просто посидим.

За деревянными столами сидели десяток раскрасневшихся после сауны мужчин в махровых халатах, небрежно запахнутых на груди. На зеленом сукне одиноко стоял темный ноутбук. Перед ним дергался кудрявый волосатый мужчина с микрофоном, неумело завернутый в белое полотенце.

«Все для тебя – рассветы и туманы, для тебя моря и океаны, для тебя...»

– Это жених, – растерянно сказала Оксана, кивая на поющего мужика. – Остальных я впервые вижу. – А вон там жена, – кивнула на диван в правом углу комнаты, где сидели две женщины. Одна в красном халате на голое тело, другая – в комбинезоне для беременных, с вечерней укладкой.

– Которая из них?

– Которая залетела, конечно, – ответила она. – Пойдем, что ли, погреемся?

Мне семнадцать лет и одиннадцать месяцев. Почти восемнадцать. Оксана старше меня на две недели. Всем остальным – сильно за тридцать. Я чувствовала, будто мне шесть лет, и родители взяли меня с собой в гости к незнакомым людям, о которых я даже никогда не слышала. Они тоже видят меня впервые в жизни, у них свои дела и разговоры, а до меня нет никому дела. Мне скучно и одиноко. Здесь даже нет моих игрушек. И я бы скорее осталась дома перед телевизором с мультиками и коробкой шоколадных конфет или играла бы с ребятами во дворе, чем поехала бы в гости, где я никому не интересна.

Я все еще ребенок, а вокруг – непонятные и серьезные взрослые, с которыми не так-то легко найти общий язык, и тем более общие темы для разговоров.

Я была лишней здесь. Я жалела, что согласилась ехать с Оксаной, которая уже разливала по рюмкам очередную бутылку водки и обнимала Игоря свободной рукой.

Я поднялась на второй этаж, зашла в первую комнату за коричневой дверью и включила свет. Все деревянное, окно во всю стену без штор и жалюзи, деревянная кровать посередине комнаты укрыта пушистым синим покрывалом, одна тумбочка и один книжный шкаф. Два метра старых дет-

ских книг. Если такие можно сейчас где-то купить, то только в букинистических магазинах. Там же, на полках, стояло несколько пластмассовых фигурок из шоколадных яиц с сюрпризом. Голубые бегемоты, улыбочивые крокодилы и строгая обезьяна.

Чуть наклонившись, она смотрела из шкафа точно на меня и показывала пальцем себе на голову, будто намекая «Дура ты, Маша, дура. И с чего ты вдруг решила, что тебе нужно ехать в Москву? Кто тебя гнал? Кто заставлял? Глупая. Маленькая и глупая. С кем ты связалась? Куда поехала? Ты не читаешь новости на сайтах поисковых систем в Интернете, не смотришь телевизор больше года, не обращаешь внимания на объявления, что сотнями висят на стенах твоего старого и твоего теперь нового города. Ты не знаешь, сколько наивных девочек – вот таких вот, как ты, – приезжают каждый год в Москву и пропадают без вести. А потом их долго ищет полиция, волонтеры и экстрасенсы...

Улыбочивые зеленые крокодилы дружно кивали головами, за спиной у них обложкой стояла книга про дядю Степу, самого доброго милиционера.

Точно такая же с детства лежала на верхней полке в моей комнате. Я закрывала глаза и представляла ее. Две деревянные книжных полки под рабочим столом, похожие на простую фигуру из тетриса. На верхней в правом углу стоит «Дядя Степа». Я никогда не читала ее, даже не листала ни разу. Как ее купили и запихнули туда, так и стояла она там боль-

ше десяти лет, охраняемая фигуркой деревянного буратино в дурацких зеленых штанах...

Больше всего на свете я мечтала сейчас оказаться там, дома, за триста с лишним километров. Я представляла нашу небольшую квартиру, балкон, утопающий в цветах и рассаде, стираное белье на веревке, шум двора, запах блинов с кухни, скрипучие шаги по длинному коридору – от прихожей до комнаты бабушки и деда. Когда мне было пять, я гоняла по нему на своем первом велосипеде на перегонки с братом... Мне так тебя не хватает, брат.

Я представляла, как дед жарит блины на кухне, а бабушка открывает сметану и пробует ее ложкой. Как мама заплетает мне косу перед овальным зеркалом в прихожей и приговаривает «Терпи, казак, атаманом будешь», она сильно стягивает волосы, я жмурюсь и почти плачу, коса получается длинной, волосы выются на концах. Отец возвращается с рыбалки, приносит ведро бычков – у него усы и борода, – рассказывает, как определить пол у рыб: «У самца челюсть нижняя большая, вперед выступает, а у самки жирный горб над головой на спине». А брат смотрит внимательно на стаю рыбешек, плавающих в ведре, и просит, чтобы его взяли на рыбалку в следующий раз... Чуть позже мы с дедом и братом пойдем в лес, срежем лучшие ветки и сами сделаем удочки, сидя вечером на балконе, и будет все...

Сумма моментов, которые не повторятся.

Легла поверх пледа, поджала замерзшие ноги и еще долго рассматривала маленькие нечеткие снимки в своем телефоне, смотрела короткие видео, читала старые сообщения – из прошлой жизни, где все еще было просто, понятно и не страшно.

Я набрала номер. Я лежала, слушала и считала длинные гудки. Пятнадцать минут двенадцатого. Наверное, они уже спят.

«Спокойной ночи, дедуль. Я люблю вас. Приятных снов» – написала я в СМС.

Дождалась отчета о доставке и, не читая, заснула.

Глава первая

Неделю назад, сидя на подоконнике между пятым и шестым этажами, я загадала. Если первым, кто мне сегодня позвонит, будет парень, то я завтра же беру билет на следующие выходные и уезжаю в Москву, а если девушка, то остаюсь дома.

Мобильник медленно полз по краю подоконника в беззвучном режиме, звонил Руслан, а я смотрела на его имя и не спешила отвечать.

Мы договорились встретиться в кафе на Мясницкой в три часа дня. Я опаздывала уже на три минуты. Дверь открылась, заставив нежно звенеть колокольчиками «музыку ветра», что висела над входом.

Я огляделась по сторонам. У окна сидела девушка с красными волосами, забранными в пучок, и курила, читая толстую книгу. Бледная, с синевой под глазами, грубые очки в черной оправе, простуда на губах небрежно замазана светлой помадой; худые руки, тонкие длинные пальцы. Нервные и синеватые.

Девушка удивленно приподняла изогнутую светлую бровь, в носу блеснула серьга. В правом ухе была одна; левое же сияло прозрачными гвоздиками по всему краю. Она держала в руках синюю книгу с цифрой три на корешке. Третий

том сочинений Максима Горького. Ногти не были накрашены, кроме одного. Ноготь указательного пальца левой руки оранжево светился на серой коже, делая ее еще более бледной и синей.

Я сидела достаточно далеко от этой девушки, но ощущала запах ее туалетной воды. Стойкий, сладкий, удушливый... Теплый и неприятный.

Я заказала двойной эспрессо. Оксана опаздывала на десять минут.

Я начала искать квартиру в Москве две недели назад, когда еще жила в Костроме. В социальной сети поставила статус, что ищу квартиру и девушку, на пару с которой мы будем эту квартиру снимать. Через два дня мне написала Оксана Смотровая – мы вместе лежали в больнице три с лишним года назад.

По утрам Оксана брала у меня косметичку и медленно, растягивая удовольствие, красилась. Тон, румяна, тушь в три слоя, помада. Она считала, что больница – это не повод махнуть на себя рукой, забыть о косметике и красивой одежде. Бюстгальтер она брала поносить у меня, халат у девочки справа, ночную рубашку – у девочки слева, резинку для волос – у подруги из соседней палаты. Так было интереснее. Зачем носить свое, если можно взять чужое, и тебе ничего за это не будет?

В палате непрерывно звучала музыка. С девяти утра. Аль-

бом «Ранеток» на повторе. Оксане нравилось. Она танцевала между кроватями, держась за спинки тонкими руками, легко подпрыгивала, подпевала точно в ноты и безмерно раздражала большинство соседок по палате. Оксана веселилась и совершенно не походила на больную. Говорили, что у нее были кровотечения и киста на правом яичнике. Оксана не переживала, ей было интереснее эпатировать и питаться чужим негативом. Ей ставили уколы два раза в день, от них больно сводило ногу – на время Оксана притихала, свернувшись на кровати и поджав ноги в ажурных, нежно-розовых гольфах. Через час она приходила в себя и снова улыбалась, дергаясь в такт музыке и подпевая на кровати.

Оксану постоянно кто-то навещал. Приходили друзья и старший брат. Приезжали родственники на иномарках. За деньги им разрешалось проехать в больничный дворик и остановиться напротив окон палаты на первом этаже.

Приходила мама, приносила вишню в белом шоколаде и журналы. Оксана хотела, чтоб мать быстрее ушла и чтобы приехал брат. С ним прикольное.

Брат приходил с друзьями. Они подтягивались на оконных решетках и заглядывали в палату, выглядывая девушек посимпатичнее и раздавая оценки. «Вон та ничего, а та отстой». Оксана хохотала, оглядывалась, что-то говорила брату.

Он навещал ее каждый день. Приносил то бутылку пива на два литра, то пару банок коктейлей, то чипсы. Пиво и кок-

тейли Оксана прятала глубоко в тумбочку, чтобы никто не заметил, а то ходят тут... Мать, медсестры, врачи.

Оксана просила кого-нибудь «постоять на шухере», а сама открывала банку «Ягуара», садилась на подоконник, и зачитывала брату статьи из рубрики «секс». Они их обсуждали, смеялись, прихлебывая по очереди из банки, и курили. Брат давал ей затянуться сигаретой через решетку. Уезжал под вечер.

Ночью в палате собирались и другие девочки – пили пиво, осторожно курили в окно, матерились, оглядываясь на дверь. К тем, кто не пил и не курил, относились с подозрением, если не с жалостью. И ничего, что это больница.

Уколы Оксане не помогли, решили делать операцию. Она боялась, но виду не показывала. Даже лежа на каталке, голая, под белой простыней, она умудрялась шутить и заигрывать с главным врачом отделения – ему было за сорок, и он понравился ей в первый же день.

Операция была несложной. Оксану привезли через час, без сознания. Я была рядом и хотела чем-то помочь. Мне сказали поддержать капельницу. Оксана тяжело отходила от наркоза, шевелила правой ладонью, будто искала чужие пальцы... Я осторожно взяла ее за руку. Она с силой вцепилась в нее и не отпускала два часа. Оксана боялась умереть, не проснуться после наркоза. Мне было больно, потекли слезы, но я терпела. На руке у меня осталось четыре красных

глубоких ссадины от ее ногтей... Они долго не заживали, и даже потом эти отметины-полумесяцы не загорали, оставались белыми...

При выписке мы обменялись телефонами, через неделю добавили друг друга в социальной сети, но больше не общались. Две недели в больнице хотелось забыть и не вспоминать, как страшный сон.

В тот же год семья Оксаны переехала жить в Москву. Точнее, в какой-то поселок городского типа, в десяти километрах от Москвы.

Когда я поставила статус о том, что собираюсь снимать квартиру, Оксана отозвалась через две минуты. Это было ее первое сообщение за три года.

– Ну что, готова к покорению Москвы? – поздоровалась со мной Оксана, садясь сбоку. – Поехали смотреть квартиру! – улыбнулась она, не дождавшись моего ответа. – Как доехала, кстати?

– Ничего. Нормально.

– А чего квартиру снимать решила? Общежитие ведь дешевле выйдет.

– Там нет мест.

– А меня все достали, – отмахнулась Оксана. – И мать, и бабка, и брат.

Мы вышли на улицу и пошли к метро. Я думала, что не узнаю Оксану, но она почти не изменилась.

— Короче, есть квартира в пятиэтажке, недалеко от железной дороги. Две комнаты, обстановка старомодная, с девяностых ничего не менялось, но это мелочи. Ты ведь не против девяностых, я надеюсь? Я там уже три дня живу. Мой одноклассник помог снять. Сначала цену в два раза выше назвал, но я умею торговаться с такими, как он. Меня не обманешь.

У Савеловского вокзала Оксана купила две банки коктейля, одну протянула мне. Мы ждали электричку и молча пили его, щурясь на предвечернее солнце. Впереди маячила неизвестность длиной в пять лет.

Хотелось сидеть вот так, греться низким градусом, смотреть со стороны и не делать шаг вперед. Черт его знает, что там будет.

На электричку сели в пять. Скоро город за окном сменился рядами пятиэтажек и редких высоток вдаль, разрисованных гаражей, редких деревянных домов, заброшенных огородов за покосившимися заборами и небольшими лесами.

Вышли через двадцать минут, спустились вниз. У платформы продавали овощи, фрукты, газеты и одежду. По рыночной площади в глубоких лужах разворачивались желтые маршрутные такси и автобусы. В грязной воде отражались деревья, облака, самолеты и мои собственные мысли.

Мы спустились вниз, обошли рынок и вышли к ряду одинаковых светлых пятиэтажек. Из окон, заставленных зарос-

лями домашних цветов, выглядывали бабушки; кто-то сушил красное одеяло, свесив его из окна четвертого этажа. Во дворах и на детских площадках сушилось разноцветное белье; было спокойно и тихо.

Дом, про который говорила Оксана, был последним по Московскому шоссе, и подъезд тоже был последним. У дверей – свежеокрашенная скамейка, чуть дальше – скрипучие качели.

Тесная пыльная «двушка» на пятом этаже. Окно доставшейся мне комнаты выходило на синий круглосуточный магазин с желтой вывеской «24» и больницу – по левую сторону; справа гремела железная дорога и шумел сосновый лес, попадались редкие гаражи и безлюдные спортивные площадки.

Хмурилось небо, подвывал ветер, начинался дождь. Мне нравилось здесь, несмотря на легкую грусть и волнующий страх перед будущим. Главное, чтобы было где жить, а со всем остальным я как-нибудь справлюсь.

– Как тебе наше замкадное гетто? – спросила меня Оксана, садясь на диван. Между коленями она зажала бутылку вина, а в зубах держала штопор.

– Гетто? – не поняла я.

– Сейчас объясню, – улыбнулась она. – Я давно называю этот город гетто, даже не замечаю уже. Дурацкая привычка. В четырнадцать мы переехали сюда жить, а в пятнадцать я влюбилась в парня. Он живет недалеко, через три дома от-

сюда. Однажды кто-то из его подруг сказал, что он – один из немногих настоящих мужчин в нашем замкадном гетто. Так и пошло. Мне проще сказать гетто, чем называть город. Мне тут нравится. Я рада, что мы живем здесь, а не в Москве.

– А что с тем парнем?

Оксана протянула мне стакан вина и взяла себе.

– За встречу и квартиру, – ответила она. – А парень... не хочу о нем говорить. Мы бы, наверное, и не переехали сюда, если бы не та неделя в больнице. Помнишь? Никто не знал, почему я на самом деле туда попала.

В тринадцать лет я подружилась с девчонкой, Жанной. Гуляем как-то поздно вечером вдоль шоссе. Каблуки, юбки еле пятую точку прикрывают, губы красные, стрелки на глазах, а еще бухие, как не знаю кто. Выпили одну банку на двоих, развезло. Идем, ржем, рядом машина останавливается. Парни какие-то, лет по восемнадцать, а то и меньше, зовут покататься да посидеть где-нибудь. Ну а у нас-то мозгов нет, сели в машину, поехали. Их четверо было. Приехали в какую-то квартиру, грязная, одна комната всего. Сидим на кухне, болтаем, водку пьем. Думаю, вроде ничего парни оказались, нормальные. И тут что-то Жанна стала на них вырубаться. Трое из них переглянулись, потащили ее в комнату. Я смотрю и ничего не понимаю, а четвертый, Антон, схватил меня за плечо и завалил на диван, юбку, колготки порвал. Через пару секунд диван был в крови, а через час из комнаты Жанку вытолкали, ее трясет, на ногах стоять не может. Ее

втроем изнасиловали, меня один Антон. Сказали, если хоть кто узнает, пожалеем, что живы остались. В общем, проводила ее домой, а сама все боялась, что она не вынесет, вены там порежет, колес наглотается или еще что...

Через месяц я попала в больницу. Для всех у меня было просто кровотечение, а на самом деле подозрение на выкидыш. Повезло так повезло. Кто-то из одноклассниц слух пустил, что я неудачно залетела, а тут и случай подвернулся уехать. Так мы и уехали. Это было лучшим из решений в тот момент.

С Жанной мы не общались больше, даже ВКонтакте. Тяжело общаться с человеком, который всегда будет напоминать о том вечере. Я поняла ее. У нее все в порядке сейчас, видела фотки, вроде замуж собирается.

Да не грузись ты. Все ведь в порядке, – улыбнулась в темноте Оксана и зевнула. – Допивай давай, сейчас еще налью.

Одну из стен в моей комнате полностью занимал книжный шкаф. Старый письменный стол под окном, в которое деревья тянули свои зеленые ветви. В солнечный день мне будет казаться, что я живу в джунглях. Старый диван, потрепанное кошачьими когтями кресло. У входа в комнату неработающий холодильник.

Я сидела на диване, вытянув ноги, и смотрела впереди себя – на книги и полку со старым кассетным магнитофоном, – не зная, что делать дальше. Меня будто отключили на время.

Я не могла спать. Я не могла думать. Я хотела только одного — домой.

И как они только меня отпустили? Одну, в город, который не верит слезам, ломает судьбы. В город, где исчезают любимые люди, испаряются надежды и умирают детские мечты. Я заочно не любила Москву, но все равно купила билет и сошла на вокзале, как и тысячи других самоуверенных провинциалок — я не любила, я ждала взаимности.

Чтобы отвлечься, я думала о тех, кто жил когда-то в этой квартире. Интересно, сколько всего видели эти стены. Сколько разговоров и признаний они слышали, сколько историй любви, слез, истерик и расставаний, сколько искренних улыбок, детского плача, смеха и счастливых моментов.

Что рассказали бы эти стены с невзрачными обоями, если бы могли говорить?

Наверное, когда-то по этому старому ковру были разбросаны детские игрушки. Плюшевые медведи с глупыми глазами, зайцы с пушистыми ушами, разноцветные детали конструктора, резиновые слоны — сжимаешь такого в руке, а он пищит. Я представляла молодого папу, который просыпается ночью, идет на кухню, спотыкается об эти игрушки, но старается быть тихим, чтобы не разбудить ребенка... Ту кудрявую девочку с черными глазами, чье фото висит на ковре в соседней комнате.

Я поднялась на ноги, включила свет и подошла к шкафу. На средней полке, над книгами лежала скрипка. Без струн,

без смычка. И старый сборник мелодий для фортепьяно. Страницы потертые, желтые. Как же давно все это было.

Я думала о девочке. Это была ее комната. Я представляла, как она собирается в школу – в коричневом платье и фартуке, как одевались школьницы, когда меня еще не было. Как она учила здесь уроки – почему-то с бабушкой, как долго ходила в музыкальную школу, как не хотела разучивать гаммы, а однажды пришла домой, легла на пол в прихожей и сказала, что больше никогда не пойдет в музыкалку.

– Все в порядке? – спросила Оксана, заглянувшая в комнату. – Ты улыбаешься.

– Да так, вспомнила просто, – смеялась я. – Ничего особенного.

Оксана понимающе промычала и ушла, а я подумала о том, что у хозяев квартиры, наверное, была собака. Представлялся почему-то не золотистый лабрадор или немецкая овчарка, а большая рыжая и лохматая мальтийская болонка. Наверное, пес был членом семьи, его обожали. Молодой папа выгуливал его, а после – мыл ему лапы в ванной и вытирал отдельным полотенцем, а с полочек за этим наблюдали желтые резиновые утята.

Я достала телефон и набрала любимый номер.

Из Живого Журнала Оксаны Смотровой

Я росла худой мрачной девочкой с рыжим хвостом,

небрежно стянутым двумя черными резинками от железных бигудей, отросшая челка полностью закрывала мой левый глаз. Ходили даже слухи, что я числилась в детской комнате милиции. Родители запрещали детям дружить со мной.

Я обзывалась, хамила, лезла в драки и получала в дневник по три замечания в неделю. Мне нравилось быть примером того, как не надо себя вести. Это как стиль жизни.

Я могла бы пойти дальше – пить «Ягуар» в подъездах, курить дрянь, отбивать парней у хороших девочек и бросать их через неделю, стать наркоманкой и сдохнуть от передоза, не дожив до двадцати лет.

Но я училась лучше всех в школе. Никогда не попадалась, встречалась только с одним парнем, играла в «World of Warcraft» и была влюблена в инди-рок.

...а родители одноклассников по-прежнему запрещали общаться со мной.

Кристина хорошая девчонка. Ее родители считают, что я плохо на нее влияю, «учу плохому».

Однажды осенью мы втроем пошли в инет-кафе после уроков, оплатили три часа доступа и заняли один комп. Залезли в какой-то чат и весело проводили время. Нас окружила небольшая компания геймеров, с которыми мы познакомились в прошлый раз. Они рассказывали анекдоты, пили пиво и развлекали нас. Веселье продолжалось до тех пор, пока в кафе не пришла Кристинина бабушка и чуть ли не за

шиворот увела ее оттуда.

После этого случая ей запретили со мной общаться, потому что я «плохая»: пью пиво, курю, ругаюсь матом и тусуюсь с сомнительными компаниями в «злачных местах», а у меня ведь даже ни одного парня не было с тех пор, как я живу в этом городе.

Глава вторая

Мобильник показывал половину третьего ночи. С первого этажа доносились мелодии, популярные в начале девяностых, редкие крики «Горько!», смех и гитарные переборы.

Я спустилась вниз, чтобы найти Оксану.

Жених жарил шашлык в камине, внизу курил Игорь, задумчиво глядя в неопределенную точку пространства. Остальные сидели за столом, пели старые песни под гитару. На кухне у холодильника крутился невысокий лысый мужчина в трусах и с камерой на шее.

– А-а, проснулась? – спросил мужчина, заметив меня и запихивая в рот маринованный огурец. Сначала один, с мизинец размером, потом еще один, побольше.

– Где Оксана? – Я стояла в дверях кухни. – Я не могу ее найти.

– А подруга твоя уехала, – ответил мужчина, вытирая пальцы о трусы и подходя ближе. – Давно уехала, пару часов назад. А зачем она тебе? – улыбнулся вдруг он. Улыбнулся резко, неожиданно. Я оглянулась назад. В коридоре никого не было. – Зачем она тебе нужна, если есть я? Я лучше, лучше... – нахваливал себя мужчина.

Я развернулась и пошла вдоль коридора. Казалось, он пошутил, соврал про Оксану. Она не могла. Не имела права привезти меня сюда, напоить, а потом сбежать.

– Да куда же ты? – кричал мужик из кухни, слышались глухие и быстрые шаги. Он бежал за мной. Чуть не свалившись с деревянной лестницы, я спустилась на первый этаж и огляделась. – Да постой же ты! Как там тебя зовут... я забыл. Стой!

В темной прихожей я споткнулась о чей-то ботинок, повернула ногу и упала, развалившись среди десятков пар вонючей обуви. Кое-как мне удалось встать на ноги. Держась за стену, попробовала сделать шаг. Ходить было трудно, очень трудно, а бежать вообще невозможно. В коридоре зажегся свет. Мне казалось, будто сначала появилась камера Canon, а потом и сам он, лысый и пьяный, с резкой улыбкой, живущей отдельно от него.

– Вот ты где! – обрадовался он, хватая меня за руки. Пытаясь вырваться, я сползла вниз по стенке, цепляясь волосами и царапая спину. Одной рукой он сжал мне запястья, другой полез под свитер. – Какие ручки-то у тебя тощие. Вот у подружки твоей-то получше будут! – Я собралась с силами и двинула ногой ему в живот, но это не помогло.

– Ах, какая женщина... – приговаривал он, щупая за бока. Я все еще пыталась вырваться, оттолкнуть его ногами, потом быстро отползти и убежать. – Я хочу такую, – продолжал он, приближаясь к моему лицу и противно выпячивая губы. Я увернулась один раз, потом еще раз, а потом он провел щетиной по моему подбородку. – Да чего ты меня боишься-то? Мне за тебя дадут больше, чем тебе лет! Поприставать, что

ли, нельзя?

– Убери от нее руки. – Голос был спокойным и уверенным. Уверенным в том, что его послушаются и выполняют все, что бы он ни сказал. – Слышал? Убери руки. Что ты ребенка пугаешь? И камеру отдай мне, пока не разбил.

– Да ладно тебе, Игорек, поприставать хотел просто... – ответил мужик, отпуская меня. Я подняла глаза. Игорь смотрел на меня сверху вниз. Лысый вздохнул и ушел наверх по лестнице.

– Испугалась? – спросил Игорь, садясь на пол рядом со мной. – Не обращай на него внимания. Он нормальный. Просто, когда выпьет, всегда так, я привык уже.

– Где Оксана? – спросила я. – Не могу ее найти.

– Она уехала.

– Куда?

Я натягивала рукава на ладони, ежилась от холода. Оксана напоила меня, а когда я отключилась, оставила в компании пьяных мужиков далеко за тридцать и исчезла.

Игорь смотрел спокойно и равнодушно, как и в прошлый раз в машине, когда Оксана представила нас друг другу.

– Твоя подруга, лучше ее спроси об этом.

– Она мне не подруга, мы квартиру вместе снимаем. Почему она меня не разбудила?

– Ты меня спрашиваешь?

– Ну да, – вздохнула, оглядевшись вокруг. Здесь не было ничего, кроме старой деревянной мебели, потертых матра-

сов и мутной пепельницы, утыканной бычками, как ростками. Дом был полностью отстроен, но еще не до конца отделан изнутри. Были готовы только сауна, одна большая комната на первом этаже, кухня и маленькая – на втором, где я уснула пару часов назад. Неуютный, холодный, не обжитой еще дом. Подходящее место, чтобы водить проституток, пить крепкий градус с пятницы по воскресенье, праздновать дни рождения.

Игорь курил, стряхивая пепел в банку из-под кофе.

– Она даже не заметила, что ты ушла. Я знаю, вы бы никогда не стали общаться друг с другом, если бы не эта двушка, которую вы снимаете на двоих. Ты другая. Совсем другая.

– Какая?

– Просто другая. Будь я тобой, я бы держался от нее подальше. Ты ведь не хотела сюда ехать?

– Не хотела, – вздохнула я, сползая по стене и садясь на холодный пол и пытаюсь найти кроссовки. – Но Оксана сказала, что у ее друзей свадьба.

– Друзей?! – усмехнулся Игорь. – Я знаю эту девушку меньше месяца. Этих людей она видела сегодня впервые в жизни, как и ты. На ее месте я бы сам отказался ехать. Отказался от своего же предложения, понимаешь? Это своего рода игра. Мне было интересно. Интересно, как она поступит. Как далеко она может зайти. Она считает себя взрослой, а на самом деле – маленькая глупая девчонка. У тинейджеров

нет мозгов, и многие этим пользуются. Правда, это не мой случай.

– Я поеду домой.

– Прямо сейчас?

– Да, а что?

– Три часа ночи. Подожди до утра, днем я подвезу тебя. Договорились?

Он сел рядом у стены, плечом к плечу, вздохнул, затушил сигарету о край пепельницы.

– Иди спать. Не бойся, он не будет к тебе лезть, я за ним прослежу.

Я вернулась в комнату, где проспала два с половиной часа, и сняла свитер. Рукава растянуты, петли, несколько пятен от вина на груди. Я посмотрела на себя в зеркальную дверь шкафа. На животе, боках, плечах и запястьях начинали проявляться синяки.

Утром Игорь отвез меня домой. Ехали молча, в салоне играл старый забытый соул. На заднем сиденье небрежно лежала зеркальная камера, которую лысый носил ночью на шее. На объективе обозначилась небольшая трещина. Наверное, это я виновата – задела ногой в темноте, когда отбивалась от приставаний друга Игоря. Это была его камера. Не самая дешевая. Похоже, он увлекается фотографией. Я бы хотела такую. Ее не сравнить с моей «мыльницей, которая помещается в заднем кармане джинсов.

Я подняла голову и посмотрела в зеркало водителя. Со своего места я видела только правый глаз и бровь Игоря, что отражались в нем. Идеальная изогнутая бровь, густая и темная, а ниже – карий глаз, внешний уголок слегка приподнят вверх. Лучше всего это заметно, когда Игорь улыбается или смеется.

Не знаю, сколько времени я сидела неподвижно, боясь испортить отражение, и глядела в это зеркало. Хотелось взять камеру и запомнить этот момент навсегда: водительское зеркало, темно-карий глаз Игоря, тихий старый соул из динамиков, хмурый дождь по стеклу, запах его туалетной воды и сигарет.

Игорь остановил машину возле нашего дома у синего магазина «24 часа». Мы встретились глазами. Пересеклись взглядами в зазеркалье. Я видела все тот же глаз в небольшом зеркале, только теперь он видел меня, смотрел на меня, сквозь меня, вызывая учащенное сердцебиение и бег мурашек по холодной коже.

Мне стало не по себе от этого взгляда. Я не могла сказать ни слова. Мой голос будто отключили, нажав кнопку mute. Все, что я могла прошептать, это хриплое «спасибо». И поспешно выйти, почти выбежать из машины.

Игорь уехал. Я стояла в подъезде, и у меня горели щеки. Горели так, что казалось, будто плавится кожа...

Когда я поднялась наверх, Оксана сидела на разобранном диване в своей комнате, приглаживала растрепанные волосы, шурилась и зевала.

– Не сгоняешь за пивом? – сказала она вместо «привет», роясь в карманах куртки и вытаскивая мятые десятки и горсти мелочи. – Мне так хреново, умру, если не выпью хотя бы глоток...

Она сделала такое страдающее лицо, что отказать было сложно. Я взяла деньги, спустилась на улицу, зашла в круглосуточный магазин и попросила два литра чешского пива.

Рядом с кассой крутился парень среднего роста. Правой рукой он держал сразу две стеклянных бутылки, а левой довольно вертел связкой ключей, среди которых поблескивал брелок с логотипом BMW.

Парень ждал кого-то и косился на меня. Я косилась на него. Коротко стрижен, в солнечных очках, загорелый. Белоснежные шорты по колено, шлепанцы на босу ногу. Ноги были красивыми – спортивные, в меру натренированные.

– Привет, – поздоровался парень, специально растягивая букву «е». – Ты ведь подруга Оксаны?

– Да, – кивнула я, забирая пиво и сдачу. – То есть не совсем. Мы вместе квартиру снимаем в этом доме. А что?

– А мы с ней учились в одной школе. Видел вас вдвоем

пару дней назад. Оксанка прошла и не поздоровалась.

– Может, просто не заметила?

Парень пожал плечами.

– Меня Димой зовут.

– Маша.

– Будем знакомы, – улыбнулся он, выходя из магазина. –

Передавай привет соседке.

– Передам, – ответила я.

Парень пошел к велосипеду, оставленному у стены магазина.

Вернувшись домой, я резко поставила бутылку на тумбочку рядом с кроватью. Оксана лежала с закрытыми глазами, хмурила брови и обнимала подушку.

– Спасииибо, – умирающе протянула она. – Налей мне, а?

– Почему ты кинула меня? – спросила я, открывая бутылку.

Оксана поежилась на кровати, с трудом открыла правый глаз и еле слышно простонала:

– Я тебя не кидала.

– А как это, по-твоему, называется? – Рука дрожала от злости. Плеснула пива в первую попавшуюся кружку, залив старый Оксанин блокнот с наивными девичьими стихами и пожеланиями от одноклассниц.

– Мы с ним поругались, я послала его, хлопнула дверью и уехала с его другом. У нас с ним ничего не было, ему просто надо было в город вернуться. Он подвез меня домой. Игорю

сказала, чтобы присмотрел за тобой и привез домой утром.

– Можно было разбудить меня и уехать вместе.

– Я как-то не подумала, извини.

Оксана пила холодное пиво большими жадными глотками.

– Ну а ты как? Ни с кем?

– Пей, не отвлекайся. Тебе парень в магазине привет передавал.

– Какой парень?

– Ну такой, симпатичный. Димой зовут вроде.

– Что-нибудь еще говорил?

– Что вы в одной школе учились, а ты с ним не здороваешься.

Оксана задумалась, уставившись в одну точку. Это был особенный взгляд. Не тупой и бессмысленный, делающий глупыми даже самые красивые лица, а какой-то безысходно грустный, несмотря на свою краткосрочность.

Хотя бы раз в день этот взгляд мелькал у Оксаны. Про себя называла его точкой грусти. Или секундой грусти, потому что ровно столько по времени длился этот сфокусированный взгляд.

Оксана ничего не ответила про того парня, с трудом слезла с кровати и поплелась в ванную, откуда крикнула:

– Сходишь со мной за машиной? А то мне одной скучно...

– Ну схожу.

Оксана собиралась долго, ходила из комнаты в ванную, из

ванной в кухню, из кухни в туалет, из туалета в комнату, и так несколько раз. Недовольно раскрывала шкафы, смотрела внутрь, захлопывала двери. Сушила волосы махровым полотенцем, красилась.

– Брат улетел на Гоа на три недели, просил присмотреть за машиной, – рассказывала Оксана по дороге к гаражам. Мы перешли железную дорогу, пересекли наискосок небольшой лес. – В прошлом году купили дачу в двадцати километрах отсюда. Там он учил меня водить машину. Я в нее влюбилась с первого взгляда. Села на место водителя и сразу поняла – с этой машиной мы подружимся. Скорее бы восемнадцать, и получить права. Я заработаю денег и куплю ее у брата, если он сам не подарит. Сейчас возьмем ее и поедем на пляж.

Оксана решительно шла к гаражу, гремя ключами. Открыла двери – сначала правую, потом левую. Вывела машину, закрыла гараж.

– Садись, не бойся! – крикнула она. – Я вожу ничуть не хуже, чем большинство мужиков, между прочим.

– Но тебе нет восемнадцати. Если тебя остановят, то это будет нарушение.

– Меня не остановят, – уверила Оксана. – Я уже год так катаюсь, ни разу не остановили.

До пляжа мы доехали за пятнадцать минут. Солнце скрылось за железнодорожным мостом, пляж был песчаный, пустой и какой-то одинокий. Оксана остановила джип за

несколько метров до воды, вышла наружу, достала из багажника плед, бутылку вина и устроилась на песке.

– Присоединяйся!

Я вышла и села рядом.

– Это мое любимое место, – сказала она. – Когда мне грустно, я всегда прихожу сюда. Люблю, когда здесь никого нет, поэтому не бываю тут летом, никогда. Сейчас холодно для купания, и это здорово. Когда-то давно, когда мы только переехали сюда, я была такой же, как ты. Делала вид, что смелая, а на самом деле всего боялась. Брат привез меня сюда в первый же день и сказал, чтобы я всегда сюда приходила, когда грустно. Вот я и прихожу.

– А тебе сейчас грустно?

Оксана пожала плечами и открыла бутылку брелоком для ключей.

– Не знаю. Тебе грустно, я же вижу. У тебя ведь никого нет здесь?

– Да.

– Тебе хуже, чем мне. Я приехала с предками. Друзей не хватало. У меня никогда не было подруг. С первого класса их родители запрещали девочкам дружить со мной. Когда пришла в новую школу, познакомилась с хорошей девчонкой, но у нее мать – училка в нашей школе. В общем, она не позволила ей со мной общаться, а я-то думала, что у меня есть подруга. Да, мне грустно. Не то чтобы я делала что-то ужасное. Просто я постоянно во что-то влипаю. Так что

держишь от меня подальше, – улыбнулась Оксана, передавая мне бутылку красного. – Я шучу. Кстати, кому ты звонишь каждый вечер в десять?

– Я звоню деду и бабушке, пожелать спокойной ночи, – ответила я. – Я привыкла так делать, когда жила дома. Сначала мы жили все вместе, а когда мне было десять, а брату двенадцать они переехали. Недалеко, мы жили в десяти минутах, и я звонила каждый день в десять. Родители много работали, нас с братом растили дед с бабушкой. Мне очень их не хватает.

– Понятно, – вздохнула Оксана. – Я думала, парню звонишь.

– Нет, парню не звоню. И он тоже не звонит.

– Кстати, этот Игорь – помнишь? Он тот еще козел. Будь с ним осторожна.

– Вряд ли мы еще когда-нибудь увидимся. Тем более он твой. И такой взрослый.

– Ты такая милая и наивная, – улыбнулась Оксана. – В жизни меня интересуют только двое людей, и Игорь не входит в их число.

Глава третья

Главное здание института на юго-западе Москвы студенты называли «крестом» за соответствующую форму. Пятиэтажное, красивое, отделанное серым мрамором, с огромными окнами – просторное и роскошное.

На первом была столовая, два небольших кафе, итальянский ресторан и китайская закусочная, а между ними внушительный фонтан, где плавали настоящие золотые рыбки. Чуть дальше был мини-маркет с продуктами, большой канцелярский киоск с вещами, украшенными университетской символикой, и две палатки с этническими украшениями и побрякушками.

Факультет гуманитарных и социальных наук. Здесь учили рекламе, связям с общественностью, теории журналистики, филологии, бизнесу и международным отношениям.

Через дорогу учили иностранным языкам, общеобразовательным дисциплинам и межкультурным коммуникациям. Два хмурых десятиэтажных здания в форме буквы «Г». Их построили так, что они образовали прямоугольник с проходами в углах по диагонали. Солнечный свет плохо проникал внутрь, там было сумеречно и тесно, но, несмотря на это – довольно уютно.

У входа была доска почета с фотографиями студентов-от-

личников, напротив нее — через проход — расписание занятий, где толпилась группа иностранцев.

Небольшие аудитории, раза в четыре меньше, чем классы в нашей школе: там умещалось всего пять парт. В конце коридора маленькое кафе с голубыми столами, накрытыми клетчатой скатертью.

За прилавком стоял араб, продавались хот-доги, сэндвичи и булочки с творогом, а еще ароматное капучино. На стеклянной двери висело объявление «готовить домашние задания в кафе запрещено».

Институт, который я выбрала, уже пятьдесят лет готовил мировую элиту. Так было написано на огромном голубоватом плакате, что висел над входом в главное здание.

Здесь мне предстояло провести ближайшие четыре с половиной года.

В «Сити» было так накурено, что за плотной завесой дыма с фруктовым ароматом едва различались соседние столы и окружающие люди. Первокурсники прогуливали лекции по истории развивающихся стран, заменяя культуру Египта и Азии курением вишневого кальяна, литрами дешевого вина, бильярдом и бесконечными разговорами о том, чего они не могли себе позволить в школьные годы. Их свобода пахла сигаретами и пьянила, как дорогой коньяк.

Я взяла пива, заняла столик в самом дальнем углу. Мне нужно было подумать о том, что делать дальше. Я училась

третью неделю. У меня был оплачен первый семестр. И была оплачена квартира на три месяца вперед. Но у меня до сих пор не было работы. И почти уже не было денег.

– У тебя свободно?

Рядом стояла девушка с книгой под мышкой и стопкой текилы в руке. Казалось, будто она растворяется в этом фруктовом дыме, а потом снова появляется передо мной.

– Садись, – ответила я.

Она выглядела странно. Высокая, не меньше метра семидесяти пяти. Очень худая. Болезненно-худая. Как будто совсем не ест. Бледная. Кожа казалась голубоватой, особенно вены на ладонях и запястьях. Не голубые, а почти синие, болезненно-резкие. Глядя на них, мне стало жалко ее. Странная жалость – без причины.

Она небрежно надвинула шапку на бледный лоб, достала пачку сигарет и закурила, сдвинув растянутый рукав свитера к локтю. Шапка была будто связана кем-то из знакомых девушки или самой девушкой. Растянутый свитер она, возможно, донашивала за кем-то. Может, за мамой или старшей сестрой. А еще локти... тонкие, выпирающие, красноватые.

Из-под шапки выбивались красноватые пряди пушистых, выующихся волос. И, наконец, лицо. Лицо было детским. Круглое, с маленьким носом, аккуратным подбородком, аппетитными щеками и огромными прозрачными глазами. Я бы не дала ей больше тринадцати лет.

– Я Катя, – представилась девушка, выпуская дым в сто-

рону и чуть прищулив свои огромные глаза.

– Маша, – ответила я.

– Ты из параллельной группы?

– Да.

– На коммерческом учишься?

– Да, – неохотно отвечала я.

– Я тоже, – улыбнулась Катя, доставая из пачки вторую сигарету. – У меня были деньги, чтобы заплатить за один семестр и оплатить общежитие. Родители ничего не знают. Боялась их расстроить. Сейчас парень помогает немного, но нужно срочно искать работу... хоть какую-нибудь. Я когда сюда поступила, так много курить стала... В день по пачке, не меньше. И ничего поделать с собой не могу! Мой бывший парень говорил – увижу с сигаретой, я слово даю, разобью тебе лицо. А у тебя есть парень?

– Нет, мы расстались, когда я уехала в Москву.

– Скучаешь по нему?

– Не знаю, – пожала плечами. – Еще не поняла.

– У меня так же было, – сказала Катя, выпивая залпом стопку текилы. – Мы с тобой родственные души. Мой первый парень был моей первой любовью. Когда я узнала, что он изменил мне с другой девчонкой, я нашла ее, взяла за волосы и разбила ей рожу об колено. А парня послала. У тебя много парней было?

– Один.

– У меня пять, – ответила Катя. – Целовалась с сорока

людьми, пять из них девушки, но моему парню об этом знать необязательно. Первый раз в четырнадцать лет было, я тогда девятый класс заканчивала.

Катя говорила, а я слушала. Она была уже прилично пьяной, но не вызывала отвращения. Наоборот. Я не встречала более странной и интересной девушки. Худая, неухоженная, неаккуратная, насквозь прокуренная и пьяная – с глазами ребенка и синими венами под кожей, – она была полной, стопроцентной противоположностью моих подруг, знакомых и просто окружающих девушек. Антиидеал. Идеал наоборот. Бледная Катя, с невымытыми волосами под шапкой, грязными ногтями с облупившимся черным лаком и пухлыми губами в трещинках была именно тем отрицательным примером, именно той девушкой, какой никто не хочет быть.

У многих она вызывала брезгливость и отвращение. Другие просто избегали Катю еще до начала общения. Она рассказывала, что ее не приняли в группе.

– Уже три недели учимся, а со мной даже не здоровается никто. Я как тень. Прихожу, ухожу, молчание. Иногда мне кажется, если я месяц не появлюсь на парах, то никто не заметит. Мне очень одиноко. Я здесь одна совсем. Я изгой. Постоянно курю. Пью каждый день, наверное. С парнем проблемы... Кстати, видишь, два парня сидят?

Я обернулась. Один сидел спиной, и можно было видеть только кудрявый затылок. Второй сидел вполоборота. Свет от лампы на стене падал на его лицо, обозначая темный и

четкий силуэт. Волосы, лоб, впадины под бровями, скулы, нос, подбородок. Хотелось взять толстый маркер и обвести это лицо по контуру, чтобы запомнить. Уж больно красивый был этот контур и силуэт.

– Это из моей группы, – сказала Катя. – Миша. Он мне нравится.

Катя вздохнула, налила себе еще текилы и достала очередную сигарету. К вечеру дыма стало еще больше. Немного щипало глаза.

– Очень нравится, – повторила Катя.

– А ты ему?

– Не издевайся, – выпустила дым Катя. – Посмотри на меня – и посмотри на него. Он идеальный. Бывает, что природа создает таких абсолютно совершенных молодых людей. А кто я? У меня прыщи, сколиоз, я похожа на бомжа. Я курю по две пачки сигарет в день, от меня воняет пивом и дешевыми духами, а в кошельке у меня сейчас всего пятьдесят рублей. Я изгой. Я ноль. Меня даже не гнобит никто, просто не замечают. Иногда мне кажется, что меня не существует. Таких, как я, не любят. Жалеют в лучшем случае, спят с ними иногда из жалости, а потом посылают. Мы ведь даже не здороваемся. Он никогда не будет со мной. Разве такое бывает, чтобы красивый парень влюбился в изгоя?

– А почему нет? Зачем ты так о себе. Возможно все.

– Нет, – истерично смеялась Катя. – Только не со мной. В моей реальности не бывает счастливых совпадений и при-

ятных случайностей. Но я бы душу дьяволу продала, чтобы провести с ним хотя бы одну ночь. Чтобы узнать, как это – обнимать его, чувствовать его кожу, губы, запускать руки в волосы. Видеть его лицо близко-близко, смотреть прямо в глаза, видеть, как меняется их выражение, как он улыбается или сердится. Чтобы увидеть его утром, собирающимся в универ. Невыспавшимся, недовольным, с растрепанными волосами... Целовать его так, будто мы вместе. По-настоящему вместе. Подходить и обнимать его сзади, когда он курит на общем балконе девятого этажа, глядя на утренний полупустой студгородок. И быть обманчиво уверенной, что вечером и завтра, и еще через неделю все будет не так и, может, не здесь, но все еще с ним, и не хуже, чем сейчас. Это концентрат счастья. Мой личный недоступный наркотик, за который мне бы пришлось очень дорого заплатить. Радужный порошок, ничем не разбавленный. Мне хватило бы одного коробка. Хотя нет. Достаточно половины чайной ложки. За несколько часов украденного, чужого счастья. Я бы все за это отдала, если бы у меня было что отдать... Слушай, а поехали ко мне? У меня есть большая бутылка мартини в шкафу, а одной пить совсем грустно.

– Поехали, – согласилась я.

Мы расплатились и вышли на улицу. За прошедшие два часа я вряд ли произнесла и сотню слов. Говорила Катя, а я жадно впитывала каждое ее слово, каждый оборот, каждое предложение. Хотела запомнить каждую букву. Записать

все, что она говорит. Что мы говорим. Каждый диалог. К девяти часам вечера мне уже казалось, что мы знакомы с детства и что я ее обожаю. Или люблю...

После ее слов мне было нелегко рассказывать о себе. Все казалось каким-то плоским, блеклым и не интересным даже мне самой. Мы стояли под дождем на остановке. Я наслаждалась влажной прохладой свежего воздуха после прокуренного бара и рассказывала Кате о себе:

– В девятом классе у меня вдруг выросла грудь. До этого момента мне нечем было похвастаться, кроме отличной учебы, но тут на меня стали обращать внимание. Старшеклассники даже на переменах обсуждали меня...

– Помнишь свой первый раз?

– Помню, – вздохнула я. – Пьяные, на даче у друзей, на старом и вонючем продавленном диване. Мне иногда кажется, что у каждой второй девчонки это происходит во время летних каникул на даче у друзей. Потом я одевалась и плакала. То ли от боли, то ли от страха, что залечу. Все обошлось.

Мы встречались каждый день по утрам. Перед уроками я забегала к нему домой, мы занимались сексом, после чего бежала в школу. Опаздывала, учителя понимали по-своему: золотая медаль, много занимается, каждый вечер с репетитором, уроки делает, не высыпается, ей можно, ей простибельно.

Поднимаясь на лифте, стоя рядом, я уже скучала по Кате. Это было непонятное, пугающее и незнакомое прежде чув-

ство. Оно было неуместным и ненужным, как сама Катя – для всех, кроме меня.

– Ты моя копия, – сказала Катя.

Я не стала спорить. Я была согласна быть копией, копией Кати. Копией антиидеала. Меня все устраивало, кроме запаха ее дешевых духов.

Стол в маленькой комнате был полностью заставлен чужой косметикой. Вещи Кати лежали в шкафу и в тумбочке у кровати. Этими духами пахло даже здесь. Стойкий, тяжелый, ядовито-сладкий аромат с удушливо-теплыми нотами. От него мутило и хотелось чихать. Вот он – квадратный зеленый флакон с круглой черной крышкой. Пока Катя курила в туалете, я забрала ее духи и спрятала их в дальний угол сумки.

До утра мы сидели на кровати, укрывшись пушистым пледом, которого хватило бы на пятерых, и пили мартини, разбавляя грейпфрутовым соком. Катя рассказывала о Мише и пыталась вязать шарф из пестрой мохнатой шерсти, набирала петли, сбивалась со счета, повторяла снова.

– Я подарю ему шарф на Новый год.

Утром я вышла на улицу и, проходя к автобусной остановке мимо помойки, закинула туда Катины зеленые духи.

Я заработаю денег и подарю ей хорошие на Новый год.

Из Живого Журнала Оксаны Смотровой

Пронесло. Думала, что это опять классная приперлась, чтобы вынести мне мозг за прогулы. «Смотровая, ты пропустила больше половины уроков физкультуры, будешь не аттестована!» Я виновата, что у меня температура под тридцать восемь, сопли до колен, и так болят ободранные ладони, что боишься лишний раз помыть руки?!

Концерт был в субботу вечером. После выступления мы с девчонками рванули на улицу через черный ход, чтобы успеть взять автографы у музыкантов. Пока они не уехали в гостиницу.

Их машина стояла за железными воротами. Как мы ни просили охранников, как ни умоляли, они, гады, так и не открыли. Мы подумали пару секунд и решили, что не так страшна ограда, как выглядит. Если поднатужиться, то ее можно перелезть в два счета.

Хватаясь за обледенелые перекладины, мы полезли на встречу своему счастью. Охранники орали, матерились, грозились позвать ментов. А нам пофиг. Нам нужен автограф, нам нужно видеть их в десяти сантиметрах от нас, а дальше... Какая разница, что будет дальше? Что бы там ни было, это никогда не сравнится с мгновениями, когда мы лезли через ограду, чтобы увидеть их еще несколько секунд.

Домой я приползла во втором часу ночи. Рваные джинсы

по колено в грязи можно было выкинуть. То же самое с курткой. Самое ужасное – это перчатки. Вернее то, как мы с братом пытались их снять с рук в два часа ночи. Они натурально примерзли к ладоням и не снимались обычным способом.

Брат налил холодной воды в таз и силой держал там мои руки. Я вырывалась и орала – больно зверски. Потом снял их. Красные ладони, лопнувшие сосуды, все жжет, горит... Весь следующий день я боялась посмотреть на свои руки. Сейчас еще ничего. Надеюсь, девчонки не испугаются.

Не знаю, что было бы со мной, если бы не Кристина.

Вот так вот все и происходит. Еще вчера ты веселилась с друзьями, думая, что так будет всегда, а сегодня лежишь на верхней полке скорого поезда и едешь в другой город.

Я рассказала девчонкам, как все было, показала руки и опять расплакалась. Я люблю его. Он мужчина моей мечты, мой идеал.

Что бы ни говорили окружающие, что бы ни писали в журналах – таким, как я, бесполезно втирать, что очень скоро все это пройдет, не оставив в памяти почти никакого следа. С этим надо смириться и оставить нас в покое.

Мы можем слушать одну и ту же песню двести раз подряд и тащиться от нее, как будто слышим впервые.

Мы обклеиваем комнату плакатами и целуем их на ночь.

Мы любим, болеем, страдаем и не представляем, что может быть по-другому.

– Вы самые лучшие девчонки в нашем классе. Мне повезло, что я встретила вас. Если бы не вы, я б уже давно повесилась. Вчера Лариска приходила ко мне домой, звонила в дверь, но я не открыла... Хрен знает, что она подумает, когда увидит мои руки!

– Как тебя угораздило-то?

– Не знаю... – вздыхала я. – Сначала было жарко, руки вспотели, потом мы часа два на морозе толкались, потом через железные ворота лезли. Понимаешь, они обледеневшие были, и перчатки липли к ним. А нужно было лезть выше, отдирала руку и поднималась дальше. Я не чувствовала боли. Это только потом, когда домой приехала...

– А это было так важно, взять автограф?

– Зачем он тебе? – не понимала Кристина. – Смотреть на него, что ли? Целовать?

– Да, – гордо ответила я. – Вам этого не понять. Хотя, на самом деле, если бы я там была одна, то вряд ли полезла бы через ограду. Одной страшно, а тут – все вместе, так проще. Знаете, меня ведь легко развести на «слабо». Это очень похоже. Я не могла опозориться при фанатках, остаться трусихой и неудачницей без автографа. Слушай, неужели у тебя никогда такого не было?

– У меня было в седьмом классе. Я влюбилась в актера, самого красивого мужчину Голландии. Он снимался в мистическом сериале, где группа из четырех американских ученых борется с силами зла. Демоны, призраки, нечисть вся-

кая... страшно!.. Показывали по понедельникам после вечерних новостей. Я не пропускала ни одной серии. Он был крутой. Высоченный такой, красивый, хоть и старый, вечно в плаще ходил, самый главный у них был.

– Старый? Сколько ему было? Тридцать?

– Думаю, больше сорока. Его постоянно били, он вечно падал с высоких лестниц, его швыряли на стены почти в каждой серии, а однажды вообще – с размаху проткнули мечом, пригвоздив к стене. В этот момент я жмурилась, а потом плакала. Он так кричал, когда этот меч из него вытаскивали.

– Кристин, ты ненормальная.

– Нормальная. Еще я просила сестру записывать мне каждую серию, потому что наш DVD не умеет записывать с телевизора. Где-то лежат сейчас эти диски, давно их не смотрела. Больше года, наверное. Знаешь, что я сделала перед восьмым классом?

– Ну?

– Я распечатала свою любимую фотку с ним, наклеила на картон и первого сентября пообещала ему, что в этом году буду учиться лучше всех и закончу восьмой класс без единой четверки. А я держу обещания. Я училась и думала о нем. Я висела на согнутых руках на шведской стене и думала о нем. Провисела дольше всех. Получила пять. Я ползла вверх по канату и думала о нем же. Я забиралась выше всех, под самый потолок. Получила пять. Контрольные по математике, диктанты по русскому, сочинения по английскому. Они бы-

ли круче всех. Я училась и мечтала, что выучу голландский и приеду к нему. Даже разговорник однажды купила.

– А потом?

– Что потом?

– Ну, ты поехала к нему?

– Оксан, ну ты что, дура? Нет, конечно. Я увидела Гусева из одиннадцатого класса и сразу влюбилась в него. У него были веснушки и кривые зубы. Каждый раз, когда у его класса проходили уроки истории, я искала повод, чтобы забежать лишний раз в класс к маме и увидеть его, хотя бы несколько секунд. А когда был экзамен по истории, он принес матери букет роз. Я ходила и любовалась ими. Через неделю они засохли, и я забрала их себе. До нового года хранила их, а потом выбросила. Он окончил школу, но ни разу не зашел потом.

– А чего ты с ним не познакомилась?

– Ты что, он не стал бы общаться с учительской дочкой.

– Но я же общаюсь.

– Ты не парень. В общем, к чему я веду. Если так будет продолжаться, я сама найду тебе парня. Вот только экзамены сдам, а потом займусь тобой. Поняла?

– Ты опять за свое? Открой брачное агентство и развлекайся, а меня не трогай! Сама разберусь.

– Кстати, у меня есть старший брат. Двоюродный. Отличный парень. Свободен, но это временно. Очень временно. Жаль, что тебя это совсем не интересует. Вы бы хорошо

смотрелись вместе.

Каждый день мы следим за жизнью кумиров, читаем о них в Интернете, покупаем журналы, делимся новостями с другими фанатами. Отношения кумиров с девушками воспринимаются как личная драма, будто он предпочел тебе другую. Кажется, что если бы ты была рядом, то выбор кумира был бы непременно в твою пользу. Ты реально можешь грузиться этим долгое время. Обещаешь себе, что выучишь английский/испанский/немецкий/финский, поднакопишь денег, дорастешь до восемнадцати лет и рванешь в Лондон/Мадрид/Берлин/Хельсинки. А он уже там ждет тебя с распростертыми объятиями! Твой идеал, твой кумир, твой единственный.

Конечно, вы тут же влюбляетесь друг в друга с первого взгляда. В ваших глазах, как в мультиках, быются красные сердечки, а дальнейшая жизнь представляется сплошным праздником. О чем еще можно мечтать?

Уж точно не о ровесниках. Ты их просто не видишь. Не отражаешь.

Влюбленные парочки вызывают тихий смех.

Я представляю, что целую Брендона Флауэрс, и меня бросает в жар.

Глава четвертая

Однажды утром в середине сентября я зашла в студенческий буфет выпить чаю с лимоном перед началом занятий. Буфетчица была недовольной и сонной, она кинула в граненый стакан два куска сахара, пакетик чая и дольку лимона. Оставалось добавить кипятка из самовара, что стоял на залитом водой подносе у окна. Из крана медленно сочились большие капли, шел обжигающий пар, и пахло плавленым сыром от бутербродов.

Я вышла во внутренний двор. Несмотря на ранний час, все столики и скамейки были уже заняты. Даже самые раздолбанные и кривые. Дворник подметал ржавые листья, среди которых блестели фантиками десятки мелких конфет.

Я устроилась на бортике неработающего фонтана и стала греть руки о стакан с чаем. У стены стояли два старых унитаза, в палисаднике валялся сломанный стул, а у скамейки курил мужчина в темном плаще. Держа стакан одной рукой, я нащупала камеру в сумке. Сняла дворника с метлой, разметавшего полукругом оранжевые листья. Ему помогал ветер, добавлял, исправлял или перечеркивал часть трудов, заставляя переделывать заново. Строгий сентябрьский ветер. Сердитый старый дворник. В тихом заточении из четырех желтых стен высотой в девять этажей. Я училась здесь меньше месяца, но уже успела полюбить все это. Будто любовь к

этому месту была безусловной, была прописана во мне еще задолго до моего появления здесь, в этом городе. Все хорошо, все правильно, все как надо. Это место не стало моим. Оно всегда было моим.

Потом я сняла желтую стену снизу вверх, весь двор в целом, спящую собаку, которую подкармливали повара из столовой, потом неработающий фонтан с дождевой водой, плавающими окурками и прочим мусором. Мне хотелось зафиксировать каждый момент своей жизни в Москве, своей учебы, своих отношений, пусть даже в этом не было ни капли художественного смысла, и никому, кроме меня, они не были интересны.

Я встала, чтобы лучше уместить крыльцо в кадр. Левая рука была все еще занята горячим чаем.

– Маша, это ты? – спросил знакомый голос.

Я вздрогнула от неожиданности.

– Игорь? Но... что ты... вы тут делаете? – Я путалась в словах, чувствуя, что снова краснею и кожа вот-вот начнет плавиться.

– Я тут работаю, – ответил он. – Больше десяти лет.

– А я учусь. На первом курсе.

– Надеюсь, твоей подруги здесь нет?

– Нет, она в другом учится.

– Это к лучшему, – улыбнулся Игорь и посмотрел на часы. – Любишь фотографировать?

– Да, очень.

– Давно?

– С четырнадцати лет, когда купили первую цифровую камеру. Я почти не расставалась с ней. Снимала всех и все, что видела. Даже то, что ем на обед. Достала всех, наверное. В школе постоянно снимала праздники, дискотеки и обычные учебные дни. Через три месяца на компьютере перестало хватать места для фотографий, пришлось покупать внешний жесткий диск. Жаль, что у меня мало снимков со мной. Я почти всегда остаюсь за кадром. А если и попадаю в кадр, то получаюсь неважно...

Игорь улыбался. И глазами, и губами. Потом выражение его лица сменилось на задумчивое, или даже мечтательное. Подул ветер, поднял листья, Игорь отвел глаза в сторону. В этот момент я снова включила камеру и сняла его. Казалось, он не заметил этой непрошенной шалости.

– Покажешь мне свои снимки? – спросил он.

– Конечно, – ответила я. – Но там нет ничего особенного. Просто школьные будни. Тетрадки, учебники, загнутые уголки страниц, рисунки на полях, небрежные шнурки на ботинках, решения задач на доске цветным мелом, школьные завтраки... Вряд ли вам это будет интересно.

– Мне интересно. Я сам много фотографирую. Могу что-нибудь посоветовать. – Игорь протянул мне свою визитку. – Здесь мой электронный адрес, сайт и телефон. Буду ждать писем. Ну, счастливо. У меня пара через две минуты. Передавай привет подруге.

– Хорошо, – улыбнулась я, глядя ему вслед. На перилах крыльца стояли плотные ряды грязных стаканов. Отколотые края, остатки кофе, разбухшие чайные пакетики, следы помады.

Я сделала еще один снимок и поднялась наверх.

Вечером я достала визитку Солодова и зашла на его сайт. Игорь профессионально занимался фотографией больше пяти лет.

Десятки шикарных свадебных съемок; еще больше съемок love-story; студийные портреты, предметная съемка, фэшн-съемки одежды еще не известных российских дизайнеров, были там даже фото ню.

На странице не были указаны цены за фотоуслуги, но был адрес электронной почты и номер мобильного телефона. По всем вопросам, касающимся стоимости его работы, Солодов предлагал обращаться к нему и обсуждать лично.

Я рассматривала его фото до глубокой ночи. Начала со свадеб. Это было действительно красиво. Талантливо, волшебно, эмоционально.

Глядя на его снимки, мне было стыдно посылать ему свои убогие, бессмысленные и блеклые кадры, которые даже фотографиями назвать язык не поворачивался.

Я была просто одной из десятков тысяч девочек-тинейджеров, не расстающихся с камерой ни на минуту, называющих себя фотографами, с наивной детской претензией на ва-

нильную оригинальность и сомнительный талант, от которого со временем останется не больше чем иллюзия, гигабайты воспоминаний на старом ноутбуке и немного комментариев в альбомах социальных сетей.

Первая лекция по страноведению прошла только на третьей неделе сентября. Холодная аудитория со светлыми ободранными стенами – на лифте нужно было доехать до девятого этажа, а потом пешком подняться еще на один этаж.

– По истории будет зачет и экзамен. Полностью на английском языке. Говорят, препод просто зверь.

– С третьего курса есть ребята, которые до сих пор сдать не могут.

– Каждую сессию приходят на пересдачу, а он даже тройку поставить не может.

– О нем уже давно легенды ходят. Сдать просто нереально.

– Говорят, что он гениален.

На третьем ряду, ближе к левому краю, сидела только Катя. Остальные студенты потока, более полусотни человек, равномерно занимали весь лекционный зал. Казалось, они намеренно избегали ее, будто она больная, заразная или неполноценная. Будто боялись находиться вблизи нее.

Этим утром в шумном зале – молчаливая, задумчивая, опустившая глаза, бледная и немного неряшливая, занимавшая место на третьем ряду, – Катя выглядела еще более одинокой и жалкой.

Я села рядом с ней. Она смущенно улыбнулась и посмотрела на доску. Преподаватель истории стоял спиной и что-то писал бледно-зеленым мелом. Он был достаточно высоким и худощавым. Тонкий серый свитер обтягивал прямые широкие плечи, рукава засучены до локтей. Простые джинсы и кожаные кеды. Густые темные волосы отросли почти до середины шеи. Он писал левой рукой, небрежно выводя на доске кривые, едва понятные буквы. На безымянном пальце блестело кольцо. Со спины ему сложно было дать больше двадцати пяти лет, если бы не легкая, едва заметная проседь в черных волнистых волосах.

— Предупреждаю вас, первокурсники, — заговорил историк, — на зачете и экзамене будет жарко. Будут слезы, сопли, истерики и многочисленные пересдачи. Я не угрожаю. Я просто советую не пропускать мои лекции.

Когда я подняла глаза, на столе кафедры сидел и насмешливо улыбался Игорь, а на доске за ним было написано «Солодов Игорь Александрович».

Следующим утром я снова сидела в студенческом буфете, ждала, пока остынет обжигающий чай с лимоном, и просматривала свои фотографии на ноутбуке, думала и выбирала, что показать Игорю, а что лучше оставить для себя и истории. Чем больше фото, тем сложнее выбор. У меня больше десятка тысяч фотографий. Я старалась выбрать самые лучшие. Пыталась оценить отстраненно, чужими глазами, гла-

зами Игоря. Я мечтала, я почти молилась, чтобы они понравились ему, чтобы он оценил их, чтобы не молчал.

– Свободно? – спросил кто-то рядом.

Я с трудом оторвалась от экрана, подняла глаза. Напротив стоял Игорь в джинсах и сером свитере. Рукава засучены до локтей, загорелые руки, большие ладони. Вдруг захотелось, чтобы он обнял ими, этими руками, прижал к себе. Стало интересно, какие они на ощупь. Теплые? Горячие. Может, холодные. Грубые или мягкие. Неважно. Казалось, они понравились бы мне любыми.

– Да... конечно, – ответила я, чувствуя, что краснею. В открытом свитере стало душно. Присутствие Игоря за одним столом смущало. Я то и дело поправляла несуществующую прядь волос, кусала губы, искала мобильник, пыталась написать сообщение Кате. Создавала видимость бурной деятельности. Хотелось сидеть тут рядом с ним, в этом пустом студенческом буфете, стесняться, пить остывший чай и молчать – хотелось убежать от него, не говоря ни слова, и больше не видеть. Никогда, кроме лекций и зачета в конце семестра. Хотя и лекции можно вычеркнуть. Перепишет у кого-нибудь и сдаст. С первого раза. Говорят, что к Солодову даже студенты с пятого курса ходят сдавать хвосты за первый.

– Что читаешь? – интересовался Игорь.

– Выбираю фотографии для вас.

– Это хорошо. Я жду.

– Спасибо, – прошептала я и впервые за пять минут под-

няла голову. Хотелось увидеть его глаза.

Игорь улыбался. Одними глазами, темно-карими, почти черными, под густыми бровями вразлет. Они были идеальны, эти брови. Хотелось потрогать их. Провести пальцем от переносицы к виску. Сначала с одной стороны, потом с другой. Подуть на них. С разных сторон...

После чая Игорь ушел курить во двор. Я собрала вещи и побежала в аудиторию. Мне уже не было душно, как в буфете. Было холодно. Знобило и трясло. От волнения.

Теперь я лучше, чем когда-либо, понимала Оксану. Тогда, в конце августа, когда мы впервые увидели друг друга, я не разглядела его. Был не тот день, не то место, не тот взгляд. Все не то. Вторая случайная встреча, первый случайный взгляд, попавший в цель, замкнувший все на одного человека – Игоря.

Ночью, лежа в постели, я вспоминала, как он улыбается, говоря «привет», как наклоняет голову, чтобы внимательнее слушать, как читает газету на семинарах, как смеется и хмурит идеальные брови.

Случайный знакомый, бывший любовник соседки по комнате – по обычному сценарию Оксаны мы должны были пересечься один раз, как две прямые линии, и больше не отсвечивать на горизонте, но «второй взгляд» сделал свое черное дело.

Я влюбилась. Вспомнился темно-серый свитер с засученными рукавами, загорелые руки и шея. Хотелось медленно вести языком от основания, остановиться на мгновение посередине, перевести дыхание и дальше – медленно, к подбородку и губам, при мысли о которых хотелось бежать в душ и долго стоять под холодными струями воды. Хотя и это не помогало избавиться от болезненных желаний.

Студентки обожали Солодова. Они окружали его, где бы он ни был: утром на пути в институт, на перерыве во дворе, на обеде в столовой. Одна или две. Красивые, общительные, улыбчивые. Всегда разные. Всегда с вопросами, ответы на которые не интересовали.

Они спрашивали о войне Севера и Юга, об Арабском халифате и месте женщины в исламе, о первых людях Латинской Америки и экономических проблемах Африки, мечтая лишь об одном – оказаться с ним наедине в замкнутом и закрытом на замок пространстве.

Или чтобы он подвез их до метро на своем черном Volkswagen, а потом хорошо бы в ресторан. Целовал бы в машине у своего дома, страстно и долго, чтобы не возникло сомнений, чем может закончиться этот вечер.

Согласие было запланировано, но предложений не поступало – Солодов не западал на длинные ноги, блестящие глаза и откровенные улыбки. Говорили, что кандидат наук занят, но это совсем не мешало мечтать о нем.

Этим же вечером, выходя из института, я увидела знакомую машину у остановки трамвая. Стекло медленно опустилось.

– Домой? – улыбнулся Игорь.

– Да, – растерянно ответила я, чуть не выронив пакет с книгами и сумку с ноутбуком.

– Садись, я подвезу, – сказал он, открыв переднюю дверь.

– Ну, ладно... – Я, оглядевшись по сторонам, села рядом с ним.

Пять минут мы ехали молча. В салоне пахло яблоками и мужской туалетной водой, играл сборник лучших соул-хитов. Игорю нравилась такая музыка.

– Я посмотрел твои фотографии, – сказал Игорь, останавливаясь у круглосуточного магазина. – И у меня есть для тебя подарок. У тебя ведь день рождения скоро. Он на заднем сиденье в пакете. Не хочешь посмотреть?

– Хочу.

Игорь протянул руку, взял пакет и передал мне. В нем была квадратная коробка. Я нерешительно подняла глаза на водительское зеркало. Мне ответил взгляд пары темных глаз, молодых глаз, глаз шкодливого подростка... Стало холодно и немного жутко. Игорь улыбался мне через зеркало. Ему было за тридцать, но он смотрел на меня глазами ровесника. Это и нравилось, и пугало.

Игорь улыбался:

– Открывай уже. Чего ты боишься?

Я осторожно открыла ее. Внутри оказалась профессиональная цифровая камера. Та самая, которая была на шее у лысого мужика, приставшего ко мне в день, когда мы с Игорем познакомились. Камера Игоря.

– Это моя камера, – объяснил он. – Я не очень много снимал ею. Думаю, тебе пора переходить на более серьезную технику. У тебя хорошие снимки. С этой камерой они станут еще лучше.

– Я не знаю, что сказать...

– Обычно в таких случаях говорят спасибо.

– Спасибо.

– Предлагаю поехать завтра в Москву и поснимать город вдвоем. Сейчас красивая осень. Согласна?

– Согласна...

– Тогда я заеду за тобой в десять утра. Будь готова.

Эта прогулка была первой из многих, что были у нас после. Игорь надевал рваные джинсы, кроссовки и серую жилетку с десятком разных карманов. Голову прикрывал синей бейсболкой. Худой и высокий, с камерой на шее, во всей этой небрежной и простой одежде Игорь напоминал двадцатилетнего.

Мы гуляли, разговаривали, фотографировали. Игорь учил меня осмысленности, говорил что-то о композиции, советовал, как лучше.

К началу ноября, когда пришли морозы и снимать на улице стало холодно, я оказалась невыносимо и безнадежно в него влюбленной.

Я считала это ненормальным, противоестественным и неправильным – хотеть мужчину старше себя почти на шестнадцать лет. Тем не менее я уже не представляла, что можно было любить кого-то другого, продолжая вспоминать каждый разговор, каждую мелочь, каждый момент наших воскресных прогулок по городу.

Я пыталась внушить себе, что эти прогулки ничего не значат и нельзя их рассматривать как выражение симпатии, придумывать лишнее, фантазировать и мечтать.

Не к месту вспоминался конец августа, приглашение Оксаны, встреча в машине, загородный дом, ночной разговор в полуподвале, когда он сказал, что я лучше. Лучше Оксаны. А чем лучше – не объяснил. Или не захотел объяснять, а утром отвез домой. Выползая из его машины у дома, я была уверена, что больше никогда не увижу этого мужчину.

Мужчину, с которым хотелось быть рядом. Мужчину, от которого хотелось убежать. Мужчину, которого я боялась.

Ночью я стояла на балконе, завернувшись в махровый халат поверх одежды, смотрела на крыши домов, на взлетающие то и дело самолеты в Шереметьево, на стаи машин внизу и курила.

Скрипнула дверь. Пришла Оксана и села в кресло рядом.

– У нас ничего нет, – пыталась объяснить я. – Он читает у нас лекции по страноведению и истории развивающихся стран. Мы просто фотографируем вместе, по выходным. Он просто проводил меня...

– Это все совсем не просто, – улыбнулась Оксана.

Я пожалала плечами, стряхнула пепел на пол и передала Оксане сигарету. Она была последней. Спускаться за новой пачкой было темно и поздно.

– Я бы не влюбилась, – сказала Оксана. – В таких нельзя влюбляться. Я бы просто спала с ним. Так проще. Любовь к такому человеку – неуместное и ненужное излишество. Бестолковая, но слишком дорогая роскошь. Он может оставить после себя выжженную пустыню. Будь осторожна. Кстати, у меня диван старый, еле раскладывается, а еще пружина упирается в бок.

– Давай купим тебе новый? – предложила я. – Тебе ведь не нужен дорогой. Скинемся поровну.

– Надо поговорить с Санчесом, куда деть старый. Да и холодильник сломанный тоже надо выбросить. Слушай, а может, и ремонт сделаем, если разрешат? Я бы поклеила везде новые обои, повесила бы другие шторы. Картины какие-нибудь на стены или фото. В своей комнате хочу снять ковер. В нем живет моль. А вместо него повесить три фотографии в квадратных рамках.

– А я хочу, чтобы было много-много цветов. В моей ком-

нате и на балконе можно будет посадить весной. У нас дома в каждой комнате растут цветы, даже на кухне весь подоконник в цветах.

– Я могу притащить несколько горшков, возьму у своих, – сказала Оксана. – В шестом классе биологичка дала задание – вырастить за лето какое-нибудь растение в горшке и в сентябре принести в школу, чтобы озеленить кабинет биологии. Кабинет был душным, там жили волнистые попугаи и вечно воняло птичьим дерьмом. И в этот ад я должна была принести свой цветок. Я его вырастила, но не отдала и получила «пару» – единственную «пару» за все десять лет учебы. Он до сих пор у меня растет, бабушка за ним присматривает, поливает, пересаживает. А я ведь даже не знаю, как он называется. Листья у него зеленые и бархатные, а ворсинки сиреневые. Принести тебе?

– Приноси, – смеялась я.

– Биологичке не доверила, а тебе доверю. Еще нужен новый телефон, а этот совсем старый, треснутый. Постепенно все сделаем.

Я вернулась в комнату и отодвинула нижний ящик шкафа, где лежала небольшая картонная коробочка светло-оранжевого цвета. Внутри была стопка черно-белых фотографий – будто тихий привет из прошлого.

Мужчины и женщины, которых я никогда не видела. Семьи, о чьей жизни я вряд ли когда узнаю. Были они счастли-

вы здесь или нет?

Взрослеющие по кадрам дети, с каждым кадром все быстрее и быстрее, пока их непрерывный поток не превратится в черно-белое немое кино.

На первом фото ей три, на втором пять, на третьем у нее две косы с бантами на концах, на четвертом короткая стрижка и большой щенок в руках, на пятом она с родителями на море, на шестом заканчивает школу, на седьмом они сидят с младшей сестрой в моей – теперь моей комнате, держат на руках пухлого смешного ребенка, на восьмом – она студентка, на девятом – обнимает высокую худую девушку в свадебном платье, а десятая уже цветная.

Кудрявая девочка с фото в круглой рамке была старше меня на целую жизнь.

Глава пятая

До седьмого класса Катя росла удобным ребенком. Она не носила из школы «двоек», не прогуливала уроки, не получала замечаний, не водилась с дурными компаниями и не встречалась с мальчиками. До тринадцати лет у родителей не было проблем с тихой и замкнутой Катей.

В летние каникулы после шестого класса все изменилось. Однажды вечером, когда часы уже показывали половину двенадцатого, а мобильник Кати не отвечал, в дверь позвонили. На пороге стояла пьяная лохматая Катя. Высокая, тощая, коротко стриженная. Она широко улыбалась, обнажая неровные ряды белых зубов, хихикала и таращила свои огромные, прозрачно-изумрудные глаза. От нее несло пивом и сигаретами.

Она молча прошла в квартиру, оставив кроссовки в прихожей. Неуверенной походкой, держась обеими руками за стены, прошагала в свою комнату. Руки не помогли – Катя со смехом растянулась между кухней и комнатой. Босые ноги остались в коридоре, все остальное в комнате, где она не успела зажечь свет.

Отсмеявшись, она доползла до дивана и включила настольную лампу. Родители стояли в дверях и смотрели с неприятным удивлением. Больше не было удобного ребенка, хорошей девочки, идеальной школьницы, светлой головы и

первых мест на математических олимпиадах. Была обычная, неуверенная в себе, пьяная девочка-подросток. Они думали, что их тихую Катю это не коснется, что ей хватит мозгов не быть как все, но, глядя в наглые и довольные глаза, понимали, что где-то ошиблись, расслабились, недоглядели.

– Что вы пили? – спросила Анна Сергеевна.

– Пиво, – просто ответила Катя.

– Сколько? – включился отец.

– Просто попробовала, – врала Катя. Язык заплетался так, будто она попробовала несколько раз и не только пиво.

– Врешь ведь! Да на тебя смотреть противно...

– Не знаю, не вижу, – смеясь, Катя чуть не падала с дивана.

– С кем хоть пила? С Лошкаревой?

– Да твоя Лошкарева лошадь ломовая! Она ящик выпьет – не захмелеет, а в тебе сорок килограмм, головой думать надо! Да тебе вообще пить нельзя! Чтоб больше такого не было. Пойдем, пускай посидит, подумает.

Дверь закрылась.

Катя не собиралась думать – отключилась.

Проснулась от стыда и жажды. Хотелось пить и мятного мороженого.

Утром она извинилась перед родителями за вчерашнюю пьяную выходку, а вечером все повторилось.

Так продолжалось все лето. Катя быстро научилась оставаться незамеченной. Проскакивала мимо родителей в комнату и открывала форточку, чтобы проветрить.

Первый раз Катя попробовала водку на спор. Подруга Лошкарева вышла на лестничную клетку и рассыпала десяток крышек от водочных бутылок. Десять ступенек, по одной крышке на каждую. Она медленно поднималась вверх и разливала водку. Кате нужно было подниматься за ней и пить водку из крышек. Горько, противно, а под конец совсем уже мерзко. Она залила в себя последнюю порцию и свалилась у стены рядом с засоренным мусоропроводом. Рваные мешки, пакеты от молока и сока, стаканы от йогуртов, картофельные очистки... Мухи ползали по ним, летали, жужжали.

Катю тошнило, Лошкарева крутилась рядом. Она не помнила, что нужно делать в таких случаях, а Катя просто не знала. Ей хотелось умереть. Вот тут вот, под мусоропроводом, среди мух и картофельных очисток. Ей казалось, еще пять минут, и она подохнет прямо тут – всего лишь от ста граммов водки. Позже ее вывели на свежий воздух, посадили на лавку и не давали заснуть, а Кате хотелось упасть лбом на колени, закрыть глаза и отключиться.

Потом стало легче.

Так продолжалось весь учебный год. Катя прибегала из школы, делала уроки, а в восемь вечера спускалась вниз, где ее ждали одноклассники и друзья из района. Осень, зима, весна – неважно. Они встречались каждый день и сидели у подъездов чужих домов, пока было тепло. Зимой подростки покупали бутылку водки на пятерых и ошивались в подъез-

дах между этажами. Жители домов гоняли их, грозили вызывать милицию, но никогда не вызывали.

Вечером были прогулки, утром и днем – школа. Катя с Лошкаревой курили на школьном дворе у гаражей или за забором – там же, где все старшеклассники, и прогуливали последние уроки. Нечасто, но прогуливали. Покупали пиво, шли на детскую площадку и пили его, сидя на корточках в деревянном домике.

Дома у Лошкаревой были огромные залежи фильмов и сериалов на DVD, и Катя часто брала у нее посмотреть что-нибудь. Самым любимым стал фильм «Лолита» 1997 года, в потрепанной светлой коробке. Катя не помнила, сколько раз брала его смотреть. Сбилась со счета, а купить диск не могла – боялась, что родители найдут, скандал устроят.

Катя никогда не говорила, что именно ей нравилось, что привлекало и заставляло смотреть его снова и снова. Просто не хотела объяснять. Думала, что не поймут, и была права.

В шкафу, под ворохом осенних пальто и легких курток, она прятала большую бутылку мартини, купленную на деньги, сэкономленные на школьных завтраках и обедах. Утром Катя пила только кофе с молоком, в школе не обедала, ужинала неохотно. Родственники качали головами, глядя на ее нездоровую худобу и бледность; одноклассницы тихо завидовали, изнуряя себя диетами, в призрачной надежде достигнуть идеальных сорока килограммов к началу июня. Ка-

тя не удивлялась, и даже была рада, что ей завидуют, но секретов своей диеты выдавать не спешила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.